СВЕТ ЛЕНИНСКОЙ ПРАВДЫ

МЫ ОЧЕНЬ ГОРДЫ ТЕМ, ЧТО НАС НАЗЫВАЮТ подручными ПАРТИИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Знамя коммунизма

Год издания 14-й
№ 88 (2547)
СРЕДА, 5 МАЯ 1965 года
Цена 2 коп.

Орган Ангарского горкома КПСС и городского Совета депутатов трудящихся

ДЕНЬ ПЕЧАТИ

„ЭТО В СЕРДЦЕ БЫЛО МОЕМ..."

АХ, СЕРДЦЕ, сердце!

Как много можешь вмещать ты в себя — и большие радости всего народа, и первую любовь, и беспредельную боль утраты дорогого человека, и глубочайшую ненависть и гнев..

Таким было сердце Владимира Ильича Ленина — создателя Коммунистической партии, Советского государства, «самого человечного человека изо всех прошедших по земле людей...»

По нему сверяют свои жизни советские люди, кто бы по профессии они ни были — ученые, инженеры, врачи, рабочие, писатели, учителя, журналисты.

Журналисты, рабочие корреспонденты. Подручные партии, как называют нас. И мы все, кто связал свои судьбы с газетой, гордимся этим званием, очень почетным, ко многому обязывающим и очень многое напоминающим!..

А нам есть что вспомнить, есть что хранить в заветных уголках памяти.

Давайте же вспомним!..

..Ее арестовывали. Ее сжигали и уничтожали. А она, как сказочная птица Феникс, поднималась из пепла и «глаголом жгла сердца людей». Она звала на последние битвы с самодержавием, учила пролетариат тактике и стратегии борьбы. Со страниц ее звучал страстный голос журналиста В. И. Ленина. И название у нее было красивое, звучное и зовущее: «ПРАВДА»!

Впервые пришла она к читателю — русскому рабочему — в воскресенье, 22 апреля 1912 года (5 мая по новому стилю). И первый читатель, развернув большой номер газеты, прочел: «ОТ РЕДАКЦИИ: Нужно ли доказывать, что русскому рабочему необходима своя политическая газета? Нет, это уже доказано... Рабочему классу нужно знать правду! Рабочая газета «ПРАВДА» должна отвечать своему названию; этим она выполнит свое назначение»...

А рабкор Ефим Придворов (впоследствии он изберет себе псевдоним — Демьян Бедный) писал:

Полна страданий наша чаша,
Слились в одно и кровь и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растет. Она растет!
Пускай шипит людская злоба,
Пускай грозит коварный враг.
Друзья, мы станем все до гроба
За правду, наш победный стяг!

А 51 год назад впервые отмечался День рабочей печати. В тот день вышел восьмиполосный номер «Пути правды», полностью посвященный рабочей прессе. Этот день, совпавший с днем рождения великого учителя пролетариата Карла Маркса, стал днем подсчета марксистских сил, как писал Ленин.

Оттуда, с мая 1914 года, идет наша славная традиция — отмечать день печати.

Февральская революция. «Вся власть Советам!» «Декреты о земле и мире». «Отечество в опасности!» — «Правда» говорит народу только правду о положении на фронтах гражданской, на строительстве мирной жизни, той жизни, что еще не знавала планета...

И Владимир Ильич, задумчивый, углубленный в чтение, склоняется в своем кабинете над газетной полосой. А потом пишет: «Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса НА ДЕЛЕ строит нечто НОВОЕ в своей будничной работе. Побольше проверки того, насколько КОММУНИСТИЧНО это новое».

Крепла советская страна, набиралась опыта и знаний, строила Днепрогэс и Магнитку, Комсомольск-на-Амуре и громила врага на озере Хасан.

И вместе со страной мужала наша советская печать. Рождались новые газеты и журналы, приходили в журналистику талантливые и «хваткие» люди. Мы крепко помним их имена и их книги. Илья Ильф и Евгений Петров, Михаил Кольцов и Михаил Ольминский, Мария Ульянова и Максим Горький, наши современники Василий Песков и Сергей Смирнов.

В годы суровых испытаний, выпавших на долю нашей партии и народа, в годы Отечественной войны многие из журналистов не вернулись в редакции..

Но память о них жива в делах тех, кому они отдали весь жар своих сердец, весь свой талант и способности — в делах нашего народа, победившего все тяготы и невзгоды и уверенно строящего коммунизм.

Многое вспоминается сегодня, что осталось за плечами нашего народа в прошедших славных и трудных годах.

Но еще больше предстоит сделать нашим людям. Об этом мы, журналисты, писали и еще долго будем писать: ведь именно в этом проявляется характер людей нашей свободной страны — в постоянном и неутомимом стремлении вперед, в преодолении трудностей. И самая почетная обязанность рабкоров и журналистов — показать этот героический характер на страницах газет, журналов и книг.

Героические дела советских людей в космосе, на земле, на море рождают новых героев, новых титанов труда и мысли. О них пишут правдисты и известинцы, газетчики и рабочие корреспонденты «Труда» и «Комсомолки».

О них пишут и в стенной печати, и в «маленьких» местных газетах наши помощники боевые — рабкоры и селькоры. От них ничего не укроется — от их боевого пера, зоркого взгляда: ни плохое, ни тем более хорошее. Потому-то так возросли и авторитет, и подписка центральных изданий—почти на 25 млн.экземпляров! 90 миллионов экземпляров—разовый тираж всех наших изданий. Разве это не радует!

Можно запомнить и эти цифры. 10 наших газет — миллионеры! «Правда» издается тиражом 7 млн., «Известия» — 8,3 млн., «Пионерская правда» — 7,4 млн., «Комсомольская правда» — 5,1 млн., «Советская Россия» — 2,9 млн. экземпляров.

Журнал «Работница» читают 7,4 млн., «Крестьянку»—3,5 млн., «Крокодил» — 2,9 млн., «Огонек» — 1,93 млн. читателей.

И это потому, что газеты и журналы стали огромной мобилизующей силой и организаторами в борьбе за технический прогресс, за рождение нового человека коммунистической морали и идеологии, за коммунистический труд, за светлое будущее.

Вот почему есть что вспомнить нам и нашим друзьям рабкорам в сегодняшний день, наметить дальнейшие пути, подумать над завтрашними планами, чтобы еще полнее и ярче показать дерзания советских людей, проверяющих себя, дела свои по большому и доброму сердцу вождя и учителя своего — Владимира Ильича Ленина.

Еще вспомните Маяковского:

Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами,
или страной,
или
в сердце
было
в моем.

Вот так, проверяя и свои жизни по ритму и бегу своей Родины и народа, трудятся и живут наши журналисты, рабочие и сельские корреспонденты, люди, которых называют подручными и помощниками партии. **Вл. МУТИН.**

СООБЩАЮТ РАБКОРЫ

В СЧЕТ 1967

НОВО-ЛЕНИНО. С каждым днем хорошеет этот район Иркутска. Здесь работают и строители Ангарска. Недавно я побывал в бригаде, которую возглавляет бригадир Колесников.

Вернувшись после армии в Ангарск, он возглавил коллектив отделочников, и вот уже несколько лет этот коллектив перевыполняет все задания. Бригада на отделке домов в Ново-Ленино обогнала 1965 год и сейчас трудится в счет июля 1967 года. Дела в бригаде идут отлично. По-прежнему впереди отделочники Н. Аксаева, Н. Куртова, В. Радишевская. И. КОПАЧ.

СООБЩАЮТ РАБКОРЫ

ИДЕТ ОБОРУДОВАНИЕ

КОЛЛЕКТИВ Ангарского завода котельно-вспомогательного оборудования и трубопроводов завершил апрельскую программу 29 апреля.

Первые четыре месяца 1965 года замечательны тем, что завод успешно выполняет государственный план и по валу, и по номенклатуре. Своевременно выполнен план четырех месяцев по отгрузке котельно - вспомогательного оборудования строящейся в Монголии Дарханской ТЭЦ. Идет досрочная отгрузка готовой продукции Бийской ТЭЦ, Байкальской ТЭЦ и другим предприятиям. Выполнен план отгрузки сварочных электродов стройкам Сибири и Дальнего Востока.

Отлично потрудились коллективы литейного цеха (начальник цеха Н. Юдин), электроцеха (начальник цеха Рамкулов), выполнившие план к 24 апреля.

В. ОВОДНЕВ.

„ВОСТОК“ на ОРБИТЕ

В электромеханическом цехе ЗЖБИ-3 в обеденный перерыв оживленно. Выходит свежий номер стенной газеты «Восток». Раньше она называлась проще — «Ремонтник». А потом решили назвать «Восток» в честь космических кораблей.

Редколлегия небольшая — три человека: редактор, художник и машинистка. Кстати, они не выборные, они пришли сами. Пришли и стали отдавать частичку своего времени и души стенной газете. Вот Женя Чурсина, учетчица. На ее совести подготовка материалов к опубликованию.

Слесарь Николай Семенов — художник. Оформляет не только цеховую, но и заводскую газету. Мастер Андрей Киселев — редактор, самый главный в редколлегии. Но и не он один делает газету — ее делают все. И электросварщик Николай Юшков, и сверловщица Аспазия Багаева, и начальник цеха Н. М. Булоченко.

Может, поэтому и ждут в цехе с нетерпением каждый номер своей газеты.

На снимке: редколлегия за работой.

Фото А. Елфимова.

ОТЗЫВЧИВОСТЬ

МНОГО, много писем ложится на стол общественной приемной. И ни одно из них нельзя оставить без внимания. За каждым письмом — человеческие судьбы, порой даже трагические. Я не боюсь этого слова. Жизнь есть жизнь. По-разному она складывается у людей.

Хочется рассказать об одной такой судьбе. Года четыре назад в семью Орловых пришло несчастье: парализовало мать троих детей Евдокию Петровну. Она навсегда лишилась возможности двигаться самостоятельно. Семья оказалась в трудном положении.

Об этом рассказали в своем заявлении в общественную приемную работники Майской больницы. Они просили помочь семье Орловых, помочь выхлопотать Евдокии Петровне пенсию.

Познакомиться с семьей Орловых поручили инспектору общественной приемной Ирине Валериановне Самцовой. Знакомство оказалось куда более тяжелым, чем факты, изложенные в письме.

За старшую в семье осталась шестилетняя Люба. Отца часто не бывало дома, порой он возвращался изрядно выпившим... Люба, как могла, готовила обед, ужин. Часто в семье не оказывалось денег... Все заботы по дому легли на плечи малолетних детей.

— А знаете, какие у меня есть красивые игрушки,—бойко заявила четырехлетняя Наташа при знакомстве с Ириной Валериановной.

— Какие, деточка, покажи?

Таня извлекла из коробки два маленьких флакончика из-под лака для маникюра. Эти флакончики и были для нее самыми красивыми детскими игрушками. Никто никогда не дарил девочке ни синеглазых кукол, ни плюшевых мишек. Два флакончика были для нее самой большой детской радостью.

Девочки не успели познать ни отцовской, ни материнской ласки, ни безмятежных детских игр.

Как же это могло произойти у нас? Почему эта семья оказалась без всякого внимания? Нет, надо немедленно звонить во все колокола, надо помогать Орловым, решила Ирина Валериановна.

Первым делом она поехала на гравийную фабрику, где работает муж Евдокии Петровны. Рассказала обо всем. Там пожали плечами:

— Работает у нас Орлов. Но не жалуется, не просит никакой помощи, на очереди на квартиру тоже не стоит. Но этого мы не решаем. Надо выше.

И Ирина Валериановна пошла выше. Она обратилась к заместителю начальника управления строительства Николаю Ивановичу Станишевскому. Он очень внимательно отнесся к рассказу Самцовой о судьбе семьи Орловых и пообещал непременно помочь.

Но помощь пришла не по мановению волшебной палочки. Сколько труда, времени, сил, энергии пришлось потратить Ирине Валериановне, чтобы все поставить на место. При поддержке Н. И. Станишевского она добилась устройства в больницу на излечение Евдокии Петровны. Для Тани и Наташи Ирина Валериановна добилась мест в круглосуточных детских садах. Все делала сама: собирала все необходимые медицинские справки, анализы.

По настоянию Николая Ивановича Станишевского и Ирины Валериановны Самцовой вопрос о семье Орловых обсуждался на заседании групкома строительства.

На заседании был создан опекунский совет над детьми, семье была выделена необходимая материальная помощь, приняты и все другие неотложные меры.

Вот так закончила проверку одного из писем Ирина Валериановна Самцова. Она потратила на него почти три месяца. Но она не жалела ни времени, ни терпения. Ирина Валериановна знала, что семья находится в беде и ей надо во что бы то ни стало помочь. Она встретила на пути самых разных людей: отзывчивых и равнодушных. Каким равнодушием и нежеланием заниматься человеческими судьбами повеяло, например, от руководителей гравийной фабрики, где работает Орлов. Ведь во всем, что произошло в его семье, много и их вины. Почему они не пришли раньше на помощь? Какой же страшный в наши дни враг — равнодушие!..

Пусть у всех людей будет такое же беспокойное и отзывчивое сердце, как у нашего рабкора Ирины Валериановны Самцовой. Недаром в дни ее дежурств в приемной всегда бывает много посетителей. Люди знают: она обязательно поможет...

А. СЕМЕНОВ.

ДЕНЬ ПЕЧАТИ

ПРАВИЛЬНО кто-то сказал, что трудовая книжка—это биография человека. Раскроешь ее, и она многое расскажет тебе о своем хозяине. Сегодня мне хочется раскрыть перед вами одну страничку из биографии Николая Даничкина, печатника городской типографии.

Записи о начале самостоятельного трудового пути появились задолго до того, как он приехал в 1960 году в Ангарск. Где-то на Сахалине перешагнул он впервые порог типографии. Начинать работать пришлось на плоскопечатных машинах. Кто хоть немного знаком с полиграфической промышленностью, может представить, какой это адский труд — стоять по 14—15 часов за машиной. К концу такого рабочего дня болели руки, ныла спина. Да, я не преувеличиваю. Всего 5 лет назад на таких машинах печаталась и наша городская газета «Знамя коммунизма». Работать начинали со второй смены и кончали только к утру.

Это время осталось теперь в прошлом. С 1962 года Николай Даничкин переведен печатником на ротационную машину, на которой печатается только городская газета. Читателю я смогу объяснить преимущества этой машины перед плоскопечатной только цифрами.

ГАЗЕТА ИДЕТ С МАШИНЫ

Николай помнит еще те ночи, когда только на печатание 10 тысяч экземпляров газет затрачивалось два полных рабочих дня. Сейчас на печатание этой же газеты при тираже в 23 тысячи требуется 1,5—2 часа. Раньше фальцовка газеты производилась вручную, для этого нанимали рабочего. Сейчас все это делает сама машина. Газета выходит из нее уже в таком виде, в каком вы ее получаете.

Даже по этим данным можно судить, как облегчился труд печатника, насколько повысилась производительность труда.

До 1964 года в области у нас только в двух городских типографиях были установлены такие машины—в Черемхово и в нашей типографии.

И, наверно, у Николая природная любовь и машинам. Он быстро освоил работу на ротации, а теперь постоянно заботится о повышении качества полиграфического исполнения газеты. За короткий срок он сумел подготовить печатника для работы на такой же машине для Тулунской городской типографии. В этом году у него будут проходить обучение полиграфисты из Усолья и Братска, где сейчас тоже установили ротационные машины.

...Ночью, когда город уже спит, от типографии отходит машина. Она везет газеты, пахнущие свежей типографской краской. А Николай со своим помощником уходят по ночному городу домой. Завтра их снова ждут машины. И опять они будут готовить на прессе матрицы, опять будут отливать с них стереотипы и опять будут печатать для вас, читатели, газету.

Н. УРАЛЬСКАЯ.

30 апреля Ангарской типографии вручено переходящее Красное знамя областного управления по печати. На снимке: бригадир наборщиков Раиса Трусова (слева) и бригадир линотипистов Нина Герасимович.

Фото А. ХАМЗИНА.

О ТЕХ, КТО НЕ ВЕРНУЛСЯ

ВОТ И ЗАКРЫТА последняя страница книги. Рядом с ней на столе чистый лист бумаги, авторучка.

Через несколько часов заработает ротационная машина, на стеллажи лягут кипы свежих номеров газеты, в которых будет и рассказ о только что прочитанной книге.

Я подхожу к окну. На подоконнике в бутылке из-под молока березовая ветка. Тонкие, нежные листочки. Первые в мае 1965 года. За окном весна треплет алые полотнища знамен. Над городом, над знаменами бегут кучевые облака. На земле Май, на земле мирная весна.

На столе лежит прочитанная книга о журналистах, не вернувшихся в редакцию в грозные годы Великой Отечественной войны.

В апреле 1940 года в снегах Финляндии погиб писатель и журналист Сергей Диковский — первый из тех, о ком рассказывает эта книга. Через пять с половиной лет, за несколько дней до того, как над поверженным рейхстагом взметнулось знамя Победы, погиб журналист Вадим Белов. Последний номер газеты «Воин Родины», подписанный им, лежал в карманах солдат 150-й стрелковой дивизии, шедших на штурм последнего пристанища гитлеровцев.

«Между этими двумя смертями лежит расстояние в пять с половиной лет,—пишет Константин Симонов,—из которых четыре с лишним—война.

Перелистаем страницы... В ночь с 25 на 26 октября 1941 года, спасая товарищей, пал, сраженный пулей, большой друг детей корреспондент «Комсомольской правды» Аркадий Гайдар. В этом же году под Ленинградом погиб флотский журналист Петр Звонков, в мае 1942 года пал смертью храбрых радиожурналист Александр Фетисов, не вернулся из фашистского застенка Муса Джалиль, так и не успел дописать статью журналист Владимир Ардашников. В документах этих людей товарищи, сдерживая слезы, писали: «В редакцию не вернулся».

О шестидесяти журналистах, фотокорреспондентах, кинооператорах, не вернувшихся в редакцию, об их порой коротком, но славном боевом пути рассказывают в этой книге те, кто шагал с погибшими по дорогам войны.

Эта книга не только о журналистах. В ней правдиво, без прикрас и преувеличений рассказывается о войне, о людях, защищавших страну от фашистского ига. Книга подготовлена по инициативе и при участии комиссии Союза журналистов СССР по увековечиванию памяти погибших в годы Отечественной войны советских журналистов. Она достойный памятник всем, кто не вернулся в редакцию.

В книге пока только шестьдесят имен. Но память человечества помнит сотни других журналистов, отдавших жизнь ради нескольких строчек в газете. О них еще будет написано, ибо слова Юлиуса Фучика лучшее предисловие к этой книге.

Вот они: «Об одном прошу тех, кто переживет это время: не забудьте! ...Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас»...

А. КРИВОЙ.

СОЛДАТСКАЯ СЛАВА Владимира Трускова

К 20-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ Владимир Трусков попал в разведку из госпиталя, где отлеживался после осколочного ранения. Пожилой майор с седыми висками и подполковник отобрали крепких молодых ребят. Майор сказал:

— Вот что, ребята. Работа требует особой смелости. Кто не уверен в себе — лучше сразу выйдите вперед.

Из тринадцати никто не вышел. Им всем было не больше двадцати, и они все жаждали подвигов: война подходила к концу. Шла весна сорок четвертого года.

Начались усиленные занятия. Один за другим уходили ребята, улетали на ту сторону фронта, а Владимира все не вызывали.

Как-то на занятия зашел подполковник. Внимательно посмотрел на Трускова. У Владимира екнуло сердце: вот и его очередь!

Он не ошибся.

Задание было обычным. Выброшенный в тыл в районе Курляндии, он должен был установить связь с группой Максима. Где-то в пяти километрах от станции на хуторе лесника Айскуриня была условлена встреча. Владимир должен был сказать: «Я русский из Яндавы». И в ответ услышать: «Ночь темная, дальний путь. Садитесь отдохнуть».

Начались томительные дни ожидания на размытом дождями аэродроме. Томила не только неопределенность положения: где-то в тылу на маленьком хуторе его с нетерпением ждали — его и груз, который он должен был доставить.

Наконец вылет разрешили. Уже за линией фронта их обстреляли.

— Не робей, парень,—хлопнул напутственно по плечу в самолете штурман, — доставили точно...

Внизу, в открытом люке, лежала черная пропасть. Чужая территория, вражеский тыл. Трусков шагнул в бездну. Его резко дернуло вверх: раскрылся парашют. Где-то над ним один за другим вспыхивали белые облачка над грузом...

Упасть он не успел. Белый купол накрыл сосну. Вися на дереве, несколько минут не мог отстегнуть ремни. Достал финку, перерезал один ремень. Тело резко качнуло в сторону, и в ту же минуту нож полетел в снег...

Тишина подкрадывалась со всех сторон — чуткая, враждебная тишина. На земле Владимир огляделся. Надо было снимать парашют — белый купол резко выделялся среди темных верхушек осеннего леса. И вдруг натренированное ухо уловило дальний шорох. Потом хруст. Ночной лес далеко разносил свои секреты.

Похрустывание приближалось — кто-то шел сюда, к нему. Владимир машинально проверил гранаты на поясе, удобнее прижал автомат. Ждать было бессмысленно. Он пошел навстречу. Метрах в семидесяти встал в тень ольховника. Осторожно раздвинул ветки и... замер.

Ровная цепь немцев с автоматами на изготовку полукругом приближалась к месту его приземления.

Мыслей не было — ни страха, ни сожаления. Знал одно твердо — живым не сдастся! Выпустит диск, а потом гранату под ноги...

Высокая фигура шла прямо на куст. Осталось метров десять. Ждать нечего. Владимир вышел из-за прикрытия, щелкнул затвором. Фигура неожиданно упала и глухо спросила:

— Русский?

— Русский. Ну и что? — не веря своим ушам, ответил Трусков.

Лежавший так же глухо позвал:

Ребята, здесь он...

Трускова окружили: «Закурить есть?» Только теперь он разглядел — часть из них была одета в немецкие шинели, другие — кто во что.

— Парашют где? Мешки мы уже подобрали.

Это были советские военнопленные, бежавшие из концлагерей, и здесь, в лесах Курляндии, формировавшиеся в партизанскую бригаду. Трусков приземлился в районе их землянок.

На другой день с проводником Владимир пошел к леснику.

На стук вышел высокий пожилой латыш.

— Я русский из Яндавы...

Лесник молчал. Повторили еще и еще раз. Латыш только беспомощно разводил руками — по-русски не говорил ни слова.

Может, провокация? И только спустя неделю, попав в группу Максима, Трусков узнал, что его перестали ждать. Две недели ходил связной к леснику. Потом участились облавы, в лесу стало неспокойно — решили: «Не прилетит...»

Группа Максима, так назывался отряд Кости Петелицына, заброшенный в тыл врага для агентурной связи, была немногочисленной — командир, радист и несколько бойцов. Задача группы — следить за противником. В ее поле зрения — аэродром, станция Стенде, дороги. Следить бесшумно — лишь в крайних случаях прибегать к диверсиям.

Здесь, в прибалтийских лесах, осели остатки гитлеровской группировки «Центр» — три десятка дивизий. Фронт давно ушел на запад, а здесь немцы, предчувствуя кончину, зверели. Укрепившись на небольшой территории— полспичечной коробки на карте,— фашисты представляли известную опасность. Созданная в тылу врага обширная сеть агентурной связи позволяла советскому командованию удерживать их в кольце. Отряд Петелицына — лишь маленькое звено общей цепи.

Владимир остался в отряде и был в нем до победы. Приходилось туго. Немцы предпринимали одну за другой карательные операции, прочесывали леса. Им помогали айсарги — полицейские из местного населения.

В марте сорок пятого разведчики узнали о крупной операции против партизан. Связавшись с центром, максимовцы решили на время покинуть Стенде, пойти на соединение с партизанской бригадой «Красная стрела», которая действовала севернее. И там дать бой, если не удастся его избежать.

Вышли вечером, за ночь прошли километров 20. На рассвете на каком-то хуторе попали в засаду. Пулеметная очередь хлестнула по цепочке сразу. Убило лошадь. Проваливаясь по пояс в снег, отошли в лес. И уже там услышали глухой взрыв на хуторе—это их раненый товарищ Тарасов, подпустив немцев поближе, взорвал себя гранатой.

Этот рейд, кто выжил, запомнил на всю жизнь. По пояс в снегу, голодные и холодные, они шли на север, обходя жилье. О засаде на следующем хуторе их хотела предупредить хозяйка. Не успела. Вновь попали под пулеметы.

Шли день и ночь — ушли! Бригада стояла на речке Абава. Не успели хлебнуть и ложки только что сваренного кулеша, как снова началось — грохот, стрельба, минометы. Лесной массив, где находились партизаны, был окружен с трех сторон. Немцы теснили их к реке, где были установлены минометы. Но уходить никто и не думал. Решили держаться до конца.

Держались до 12 ночи. В полночь немцы стихли. Совет бригады решил расходиться: патронов мало, силы на исходе. Группами можно еще выбраться, где-нибудь отсидеться, переждать.

Ушли и максимовцы. К своей станции—из центра пришла радиограмма: «Возобновить работу». Они разделились на две группы. Пятеро пошли в разведку, остальные остались.

Первая группа, где был и Трусков, неожиданно вышла на немецкий обоз. До леса далеко, внизу ровный квадрат озера. Блестящий, как зеркало, лед, на котором каждая точка—отличнейшая мишень. Немцы наседали сверху.

Благополучно по льду перебежал лишь Славка — отрядный балагур. Упал латыш, потом задохнулся в беге пожилой боец, потом еще один. Маленький ростом, Трусков запутался в полах полушубка. На гладком льду лежал и слушал пересвист пуль над головой — ждал своей. Потом собрал все силы и рванул. Снова залег — и снова рывок...

Славку нашел по кровавому следу — раздетый, он сидел под деревом и плакал от злости. В ноге засело две пули...

Как он нес на себе длинного Славку эти три десятка километров — Владимир уже не помнил. Тащил и тащил в обход озера к своим...

Всего не описать — трудны солдатские дороги. Но все-таки выдержали, выстояли, победили. За смелость и мужество наградили орденом «Славы» III степени Владимира Трускова — двадцатилетнего иркутского паренька. А год спустя нашел его и другой орден «Славы» —первый,— к которому он был представлен еще раньше —за бой на «безымянной» высоте под Ибрицей, откуда он попал в госпиталь.

Сейчас ангарчанину Владимиру Леонтьевичу Трускову 40 лет. Работает в монтажном тресте сантехником. Пускает тепло в дома, перевыполняет норму, и мало кто в бригаде знает, что дома в коробочке вместе с двумя медалями бережно хранит он два ордена Славы — символы солдатского героизма и бесстрашия.

К. ЛУКАШОВА.

Сообщают НАШИ фотокоры

Дружно поработала в предмайские дни на объекте 1959 бригада И. Н. Шинкаренко, готовя праздничный подарок.

На снимке: член бригады Василий Рымарук.

Фото В. Небогина.

Дмитрий Владимирович Одарич — штукатур СМУ-5. Все свои работы он выполняет с оценкой «отлично».

На снимке: Д. В. Одарич.

Фото А. Елфимова.

СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО...

КИНО

В РЕДКОМ фильме увидишь сразу тринадцать «кинозвезд». Новая кинокомедия «Женитьба Бальзаминова» — счастливое исключение. Все роли в ней исполняют популярнейшие актеры экрана. Это Николай Крючков и Людмила Шагалова, Инна Макарова и Георгий Вицин, Надежда Румянцева и Ролан Быков, Екатерина Савинова и Нонна Мордюкова... Перечень фамилий можно продолжать.

Но главное не в этом, а в том, что почти каждый из тринадцати предстал перед зрителем в новом амплуа. Мы, например, знаем и любим героев Людмилы Шагаловой — это умные и героические женщины: Валя Бори из «Молодой гвардии», Нина — «Цель его жизни» и другие.

А вот в «Женитьбе Бальзаминова» актриса создала образ матери Бальзаминова — провинциальной пожилой женщины-мещанки, только и живущей заботами, чтобы выгодно женить своего недалекого сына. Прежде актриса не создавала таких образов. Это ее новый шаг в кино.

Мир убогий, мещанский со всей своей нелепостью и духовной нищетой предстал перед нами с экрана. Режиссер Константин Воинов, создавая на экране историю маленького обывателя глухого городка Миши Бальзаминова, положил в основу своей киноленты трилогию А. Н. Островского «Праздничный сон — до обеда», «Свои собаки грызутся — чужая не приставай» и «За чем пойдешь, то и найдешь», объединенные под общим названием «Женитьба Бальзаминова».

Много было экранизировано в свое время пьес великого русского драматурга. Это и бытовая драма «Гроза», и «Бесприданница», и многочисленные фильмы-спектакли. А вот «Женитьба Бальзаминова» — это нечто новое.

Режиссер - постановщик Константин Воинов по-своему прочел знаменитую трилогию Островского. Цель постановщика заключалась в том, чтобы показать современному зрителю все то, что давно кануло в вечность, чтобы зритель посмеялся над пустой жизнью обывателей, мещан.

И зрители смеются. Смешон, комичен маленький человечек, провинциальный писарь Миша Бальзаминов. Идею человеческого счастья он видит только в выгодной женитьбе на богатой невесте.

— Когда невеста богатая, то для меня она все равно красивая. У всех у них, богатых-то невест, как бы одно лицо,— откровенно признается Бальзаминов.

Да, ему одинаково, кто будет его женой: глуповатая Капочка (арт. Ж. Прохоренко) или купчиха — вдова Белотелова (арт. Н. Мордюкова), или Раиса (арт. Н. Румянцева) — девушка из зажиточной семьи. Все они для него на одно лицо.

Георгий Вицин играет Мишу Бальзаминова серьезно, с присущим только ему комическим дарованием. И все же Бальзаминов Вицина во многом отличается от сыгранных артистом ранее героев. Секрет актера в том, что, играя почти без грима, он умеет индивидуализировать своих героев, найти в их характерах присущие только им черты.

И Миша Бальзаминов наделен актером точными и выразительными чертами. Робкий, чудаковатый, угодливый человек — таким предстает перед нами Бальзаминов Георгий Вицина. Актер нашел для своего героя своеобразную угодливую манеру разговора. Актеру удается создать точную характеристику своего героя.

Интересно решены режиссером и оператором несбыточные сны Бальзаминова, представляющего себя то генералом, то царем. В комедии Островского Бальзаминов вынужден был сам рассказывать о своих снах, а возможности кино позволили показать эти сны. Постановщик К. Воинов и главный оператор Г. Куприянов решили их в манере традиционного русского лубка. На помощь режиссеру пришла здесь пантомима. Актеры отлично владеют этим сложным выразительным средством. Впечатление усиливает музыка Бориса Чайковского, пародирующая душевное состояние героя.

Кинокомедия «Женитьба Бальзаминова» изобилует множеством интересных актерских и режиссерских находок. Каждая деталь помогает нам образно представить купеческий, мещанский быт, характеры персонажей, их ограниченность. Зрители от души смеются над пустой, бесцельной жизнью этих маленьких людей, смеются над мещанской жизнью, безвозвратно канувшей в прошлое...

А. БАЙКАЛОВ.

НА ПРИЗ „ПРАВДЫ“

В КАНУН Международного праздника 1 Мая в пойме реки Китой собрались сильнейшие легкоатлеты города, чтобы померяться силами в финале городского профсоюзно-комсомольского кросса на приз газеты «Правда».

В соревнованиях приняли участие учащиеся общеобразовательных школ, студенты средних специальных учебных заведений, а также работники промышленных предприятий города.

И хотя погода в этот день была холодная, с сильным ветром, на парад построилась очень большая группа кроссменов. Представители горкома комсомола и городской спортивной организации приветствовали участников соревнований и пожелали им в холодную погоду жарких схваток.

И вот дается старт девушкам на дистанцию 500 метров. В напряженной борьбе победа досталась учащейся ГПТУ-8 Марии Запека. Ее результат 1 минута 27 секунд.

Юноши стартовали на 800 метров. Победил учащийся профессионально-технического училища № 8 А. Горбунов. Его результат 2 минуты 19 секунд. Второе место также за представителем этого училища Н. Яскевич — 2 минуты 23 секунды, третьим был ученик 10 школы В. Казанов — 2 минуты 23 секунды.

И вот в спор вступают производственные коллективы. Участников очень много. Женщины стартуют на 500 метров. Среди участниц два мастера спорта, но по лыжному спорту—это А. Вашкевич и Р. Головкова. Они принимали участие в разных забегах, но показали одинаковый результат — 1 минута 26 секунд. Они и поделили 1—2 места.

Основная группа мужчин стартовала по трудной трассе, на 3000 метров. В спор за первенство вступили многие известные легкоатлеты, такие, как Р. Перепелятник, А. Аминов и другие. Вместе с ними участвовала большая группа мастеров спорта по лыжам от СК «Ангара». В забеге победил мастер спорта по лыжам Н. Антоненко. Его результат 9 минут 37 секунд. Всего 2 десятых проиграл ему Р. Перепелятник. Третьим финишировал А. Лукин — 9:51,5 секунды. Командный приз по группе юношей достался ГПТУ-8 (преподаватель физкультуры Н. Ладухин), 2—3 место — команде школы № 10 (преподаватели физкультуры И. Шемендюк и В. Долгополов). Среди производственных коллективов в призовую тройку вошли коллективы нефтяников, где инструкторами физкультуры З. Баранникова, Н. Бернас, В. Хомколова.

А. АНДРЕЩУК.

У ШАХМАТИСТОВ ШКОЛЬНИКОВ

ЗАКОНЧИЛИСЬ командные соревнования школ города по шахматам на пяти досках. Всего в соревнованиях участвовало 12 школ.

Первое место с результатом 20 очков из 25 возможных заняли юные шахматисты 31-й школы (капитан команды перворазрядник Саша Фелингер).

Второе место у шахматистов 27-й школы, у которых столько же очков, но они проиграли решающий матч 31-й школе со счетом 3:2 (капитан команды перворазрядник Валерий Петухов).

Команда 17-й школы заняла третье место, школы № 10 — четвертое, школы № 32 — пятое.

По группе восьмилетних школ победила школа № 19, на втором месте—школа № 21.

Победители награждены переходящими кубками, дипломами соответствующих степеней, грамотами.

Э. ХАНТАКОВ.

ДЛЯ ЧЕГО ЦВЕТЕТ ЧЕРЕМУХА?

Вступает в свои права весна. Каждый житель после долгой зимы и морозов с радостью встречает ее. Радуется сверканию рек, освободившихся ото льда, появлению первой зелени.

А как приятно пахнет в теплый тихий вечер цветущая черемуха. Жители города с нетерпением ждут поры цветения. Наступит тепло — и они будут выезжать за город отдыхать.

Все это хорошо для здоровья. Но как некоторые любят природу? Весной, когда расцветает черемуха, многие, особенно девушки и юноши, возвращаясь с прогулки, несут огромные букеты веток и цветов. Конечно, цветы в комнате — это хорошо, но нельзя так варварски уничтожать деревья вокруг города.

Результаты такой «любви» хорошо видны и сейчас, если пройти по берегу Китоя несколько километров. Всюду стоят полузасохшие,изуродованные кусты черемухи и других деревьев.

Те, кто ломает деревья, хорошо знают, что это преступление, но они, видимо, живут по принципу: «На наш век хватит» или: «Мне все равно ничего за это не будет». А надо, чтобы было.

И еще один вопрос. Растаял снег, а накопившийся за зиму около домов мусор дети собирают и каждый день по вечерам жгут костры. Несколько раз приходилось разговаривать с детьми и тушить костры. И что порой возмущает: вместе с детворой у костров стоят некоторые папы и мамы и мирно беседуют.

В. СОБОЛЕВ,
житель 92 квартала.

ОСЕННИЙ МОТИВ

Рассказ

СУМРАК густеет быстро. Почти осязаемый, он накапливается в зарослях давно отцветшего багульника, прилипает к еловым лапам, выползает из-под корней поваленного кедра. Только круг неба, изорванный вершинами деревьев, остается светлым.

Прислушиваясь к наступающей ночи, лес замер. В этот час тайга кажется таинственной, непонятной и пугающей. И человек томится, ждет чего-то. Колдовская темнота подбирается со всех сторон. Шагни сейчас из темноты лохматый леший — поверишь. И нет ничего на свете, кроме этих темных деревьев да светлого лоскута над головой.

Около упавшего кедра сидят Федор Шаев, тракторист с соседнего рудника, и счетовод Костя Ириткин. Федор, живущий бобылем, в поселке считается заядлым охотником. В свободное время — в тайгу. Костя упросил Шаева взять его на шишкобой...

— Ну что, парень, огонь жечь будем?

Костя оживляется, стряхивает с себя задумчивость.

— Давай, давай. Дело.

Федор зашебуршал спичками и поднес яркий светлячок, спрятанный в ладонях, к молочной бересте. Огонек скрутил бересту, кинулся на сложенный аккуратно валежник, и заплясало пламя костра. В огне потрескивало, пощелкивало, попискивало. Облаком золотой пыли вились искры.

— Вот так-то веселее, — улыбнулся Костя. — А то зачумел немного. В голову всякая чертовщина лезет...

Огонь сделал темноту еще гуще. Она лишь отпрянула за ближние деревья и терпеливо ждет, когда костер ослабнет, чтобы подползти ближе.

Шаев не спеша достал кисет, оторвал от мятой газеты клочок и сделал самокрутку. Лениво потянулся к костру, взял горящую ветку В отсветах пламени его лицо кажется бронзовым, неподвижным.

Далеко-далеко кто-то крикнул. Птица, зверь ли — не поймешь.

— Федор, а здесь медведи водятся?

— Бывают, как же.

— Не подойдет к нам?

—Не-е-ет. Тут-то рядом нет.Вот в Грязном ключе...

— Это далеко?

— Как тебе сказать... Не очень. Спать давай.

Федор широко зевает, щурится на огонь

Потом говорит, не поворачивая крупной головы

— Грызет жена-то?

Костя откликается сразу, с готовностью.

— Из-за этого и в тайгу рванул. А хорошо здесь.

— Хорошо, — кивает Шаев. — Месяц тут проживем... Мир, значит, не берет?

— Не берет.

— А у меня всегда мир... В тайге лучше.

Костя видит большой дом Шаева. Серый и скучный...

Костя на шишкобое впервые, и за день умотался. Еще утром Шаев срубил в распадке молодую березку и насадил на нее чурку. Колот получился большой, тяжелый. Костя прикинул — пуда два, не меньше.

— На, — сказал Шаев, — держи. Носить по переменке будем.

Косте не терпелось испробовать колот. Он подошел к кедрине, но Шаев остановил его.

— Пустая. Кедровка всю шишку спустила. Ты рядом возьми.

Костя укрепил черен колота в податливом мху, отвел тяжелую чурку. Ударил осторожно, слабо.

— Отводи дальше. Да резче.

Р-р-раз! — сосновая чурка скользнула по красноватому стволу, черен вывернулся из земли, саданул по ноге.

— Ты держи колот прямо. Давай-ка вместе. Да на себя шибко не тяни.

— Ах-х! — отозвалось дерево. В ветвях зашумело, и с жирным всплеском врезались в мох тяжелые шишки.

— Ах-х!

В ветвях ливень шумит. Ливень с ветром.

— Голову береги!

Крупные, с кулак, коричневые градины.

Они переходили от одного дерева к другому. Били, били — до дрожи во всем теле, до маревых кругов перед глазами. Делали перерывы — собрать шишки.

Отдыхать сели за полдень. Лицо, шея — мокрые, пареные. Глаза в счастливой слезе усталости.

— Поработали, — говорит Шаев. Расстегивает гимнастерку.

— Да. — устало машет Костя. — А ведь сплутай — и не выйдешь

— Не выйдешь, — соглашается Федор.

— В прошлом году на Чистом ключе чуть человека не убили.

— Было, да не тан. По справедливости все. Жил у нас там такой. Мужик как мужик. Знаешь, как на таборах бывает: шишки в кучи просто валят. И никто за ними не присматривает.Потому что воровства случиться не может.

На соседний кедр черным мячиком взлетела белка.

— Все утром, только развиднеет, в тайгу. А этот, не помню откуда, он спит еще. Вечером из тайги еле ноги волочем, а он на таборе.А куча шишек у него больше всех.

Как-то будит меня сосед: «Выгляни, — говорит, — за дверь». И все в зимовье не спят.

Н-да-а... Выглянул, а этот, паскудина, наберет у соседа из кучи и в свою. Потом к другому идет. Тут мы все и вышли...

Федор замолчал. Дымит махоркой.

— А дальше?

— ...Кричал он здорово.

Костя видит ночь. Черные деревья. Круг свирепых небритых лиц. А в середине круга мечется что-то бесформенное. Тяжелое дыхание. Хруст и крик.

— Страшно это...

— Страшно? — переспрашивает Шаев недобро. — Воровать страшно... Не били мы его. Не тронули, значит. А кричал, подлый, со страху.

Утром лошади пришли. Он и уехал. Все равно деваться некуда. Тайга таких не любит.

Костя не может уснуть, ворочается на лапнике, смотрит на костер. Шаев тоже не спит. Каждый думает о своем. Костя о Маруське, о ее теплых руках, о том, что в последнее время у них что-то не ладится семейная жизнь. Костя во всем уступает. Что она скажет, то и верно. Только скучнеет Маруська. Кричать не кричит, а как осенняя.

«Чудная, — думает Костя. — Блажит».

И Шаев думает.

— Слышь, Федор, урожай нынче хороший. Десяти дней хватит. Домой пойдем.

Ночью Костя будит Федора.

— Ходит кто-то, — шепчет он, припадая к самому уху. — А перед этим как ухнет что-то.

Федор напряженно вытянул шею, замер. Смотрит на припорошенные белым пеплом угли.

Сказал негромко:

— Никто не ходит. А ухнуло — дерево упало. Ночью упало. Значит, чтоб никто не видел.

***

ЖЕЛТЫМ и теплым днем бабьего лета возвращались из тайги. Светлые паутинки, переброшенные через выбитую тропу, казались возникшими из воздуха.

Федор и Костя шагали неторопко, довольные друг другом, удачным двухнедельным шишкованием.

—Зовет к людям-то? — спрашивает Шаев. — Зовет. Тан всегда: идешь на месяц, а сам...

У Сухого ручья Костя нагнул податливую рябину, сломил тяжелую, рыжую, в солнце, гроздь.

— Маруське.

Федор по-хорошему усмехнулся и тоже сломил ветку.

Неподалеку от приска, где тропа выходит на песчаную дорогу, сделали остановку: отсюда, с крутого пригорка, виден весь поселок.

Осень — пора свадеб. На Подгорной, застроенной новыми избами, людно. Каленым листом осины пляшет посреди улицы девчонка.

Ей что-то играет на гармошке парень. Что — отсюда не разберешь.

На душе становится еще радостнее, праздничнее. Уже не сидится.

Маруську увидели неожиданно. Около старого моста, где разноцветный галечник полого уходит в воду, она полоскала белье. Мокрый подол платья вылепил крепкие ноги.

— Эй! — крикнул Шаев. — Встречай гостей.

Маруська подняла голову и засмеялась.

— Ле-е-шан, —, мягко пропела она, — вернулись. Лешан... — приветливые губы ее вздрагивали. Розовая от холодной воды рука торопливо застегивала пуговицу на исподатливой тугой кофте.

Маруська вышла на берег. Теплый галечник шуршал под ее босыми ногами.

— А я вас жду. — И опять неведомо чему засмеялась.

— Ну, ладно, — вдруг грубо сказал Шаев, — я пойду.

Федор шел через гулкий мост, не оглядываясь, и только на середине его чуть приостановился и бросил через перила красную гроздь.

Но ни Маруська, ни Костя не видели этого. Не видели, как проплыла она мимо по синей реке.

А. ГУРУЛЕВ.

ВНИМАНИЮ ТУРИСТОВ!

Городской клуб туристов с 5-го мая проводит семинар по подготовке руководителей походов выходного дня. Семинар будет проводиться в помещении спортпавильона СК «Ангара», начало в 20 часов.

Редактор В. П. КУЗЬМИН.

КИНО

«ПИОНЕР» — 5 и 6 мая. История золотой туфельки. 10, 14-25. Через кладбище. 11-25, 12-55, 15-50, 17-20, 18-50, 20-20, 21-50. Малый зал — Двадцатый век. 16, 19. На семи ветрах. 17-15, 20-15, 22.

«ОКТЯБРЬ» —Казнены на рассвете. 15, 17, 19, 21. 6 мая—Золотой папоротник. 15, 17, 19, 21.

«МИР» — 5 и 6 мая. Новый художественный фильм-комедия «Дайте жалобную книгу». 10, 11-45, 13-30, 15-15, 17, 18-45, 20-30, 22-15.

ДК нефтяников — Следы уходят за горизонт. 13, 15, 17, 19. 6 мая—Домик в дюнах.

«КОМСОМОЛЕЦ» — 5 и 6 мая. Женитьба Бальзаминова. 10, 11-40, 13-20, 15, 16-40, 18-20, 20, 21-40.

«АНГАРА» — 5 и 6 мая. Инспектор и ночь. 15, 17, 19, 20-50.

«ПОБЕДА» — 5 и 6 мая. Оглянись в пути. 10, 11-45, 13-30, 15-15, 17, 18-45, 20-30, 22-15.

«ЮНОСТЬ» — 5 и 6 мая. Когда песня не кончается. 10, 11-40, 13-20, 15, 16-45, 18-30, 20-15, 22.

Администрация, партийная, профсоюзная и комсомольская организации и коллектив конторы снабжения выражают глубокое соболезнование старшему инженеру Забашта Михаилу Григорьевичу по поводу смерти его жены

ЗАБАШТА
Таисии Николаевны.

Наш адрес: Ангарск, площадь имени Ленина, здание горсовета, 3-й этаж. Телефоны: редактора и отдела промышленности — 2-42-37, заместителя редактора, идеологического отдела и секретариата — 2-21-37.

НЕ 04515 Ангарская городская типография областного управления по печати Зак. 3370. Тираж 23 650.